

Научная статья
УДК 340.125
DOI 10.33184/pravgos-2024.3.4

Original article

МЕЛИКОВСКИЙ Александр Ариевич
Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
e-mail: melikovskiy@yandex.ru,
<https://orcid.org/0009-0003-3336-7845>

MELIKOVSKY Aleksandr Arievich
Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ПРАВА: РОСКО ПАУНД В ПОИСКАХ ТЕОРИИ ДЛЯ ПРАКТИКИ

PRAGMATIC PHILOSOPHY OF LAW: ROSCOE POUND IN SEARCH OF THEORY FOR PRACTICE

Аннотация. В настоящее время связь между отечественной юридической теорией и практикой разорвана, в юридической науке господствует пренебрежительное отношение к ее теоретической части, что отражается на системе юридического образования. Современность требует актуальной юридической теории, которая функционировала бы для и во имя практики. Учение прагматизма может послужить для этого удачной философской основой. Цель: анализ опыта прошлого и возможностей его применения в современных реалиях в части поисков теории для практики. Методы: анализа, синтеза, описания, сравнения, интерпретации. Результаты: исследование позволило прийти к выводу, что юридическая теория на основе философии прагматизма может эффективнее осуществлять свое назначение и в переживаемые минуты кризиса сможет привлечь внимание к умозрительным началам политико-правового бытия и его предельных оснований.

Ключевые слова: прагматизм, философия права, теория права, социологическая юриспруденция, юридическое образование, Р. Паунд

Для цитирования: Меликовский А.А. Прагматическая философия права: Роско Паунд в поисках теории для практики / А.А. Меликовский. – DOI10.33184/pravgos-2024.3.4 // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 3. – С. 30–38.

Abstract. At present, the connection between national legal theory and practice is severed, the legal science is dominated by neglect of its theoretical part, which affects the system of legal education. Modernity requires a relevant legal theory that would function for and in the name of practice. The doctrine of pragmatism can serve as a successful philosophical basis for this. Purpose: to analyze the experience of the past and the possibilities of its application in modern realities in terms of the search of theory for practice. Methods: analysis, synthesis, description, comparison, interpretation. Results: the research allows to conclude that legal theory based on the philosophy of pragmatism can more effectively fulfil its purpose and will be able to draw attention to the speculative beginnings of political and legal existence and its ultimate foundations in the moments of crisis.

Keywords: pragmatism, philosophy of law, legal theory, sociological jurisprudence, legal education, R. Pound

For citation: Melikovskiy A.A. Pragmatic Philosophy of Law: Roscoe Pound in Search of Theory for Practice. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 3, pp. 30–38. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2024.3.4.

ВВЕДЕНИЕ

Хорошо известное выражение гласит: «Теория без практики мертва, практика без теории слепа». Содержащаяся в нем мудрость, сформированная многовековым опытом общественной жизни, заповедует относиться к умозрительному и эмпирическому (в том числе так называемому практико-ориентированному) знанию как к равноценным взаимодействующим исследовательским и образовательным парадигмам. Органическое единство теории и практики, детерминированное интенцией на преобразование действительности, выступает условием не просто достижения указанной цели, но наиболее эффективного его пути. Данные послышки позволяют осознать значение поиска баланса теории и практики как залога успешного функционирования знания. Не является исключением и юридическое знание: в нем тоже существуют взаимосвязанные теоретический и практический компоненты, которые необходимо мобилизовать к диалогу, в том числе для того, чтобы найти между ними баланс для столь в этом нуждающейся академической деятельности.

К сожалению, в последнее время в российской правовой науке и юридическом образовании наблюдается нарушение этого баланса. Теоретическое знание подвергается нападкам со стороны различного рода «практиков». Порой они даже открыто демонстрируют пренебрежение к феномену под названием «теория», будто бы забывая семантическое значение этого греческого слова, аналогом которого является русское «умозрение». Сложно представить юриста, который бы не «зрел умом» окружающий его мир, подвергая анализу фактически обстоятельства реальной жизни сквозь призму права (как идеи, так и факта). Способность «зреть умом» – тот значимый навык, который отличает профессионала от дилетанта. Каждый юрист в процессе своего пребывания на юридическом факультете обретает данный навык, но делает это в той или иной степени. Задача, во все эпохи стоявшая перед образованием, заключается в том, чтобы неизбежную профессиональную деформацию направить в нужное русло. В случае с юридическим образованием – возвести

в максимум понимание права и государства как феноменов, существующих ради человека, ориентировать на высокие нравственные идеалы и приобщить к бесконечному самообразованию посредством рассуждений о праве с позиций соотношения его онтологического статуса и деонтологической природы. А это, как известно, способны сделать только историко-теоретические науки о праве, главным образом их часть – теоретическая юриспруденция (общая теория права и государства, включая философию права, ее историю (историю правовой и политической мысли) и социологию права). Очевидно, что качество подготовки юридических кадров зависит именно от глубины познания цикла теоретико-правовых учебных дисциплин, устремленных к формированию юридического мировоззрения и основанного на нем особого – юридического – стиля мышления.

Правда, следует признать, что сегодня теоретическая юриспруденция переживает кризис, обусловленный не только ее внутренним состоянием (своей концептуальной архаичностью и методологической слабостью), но и внешними факторами, не способствующими развитию науки (например, отсутствием уважения к праву, повлекшим тотальное обесценивание всего, что с ним связано), в связи с чем в коммуникативном плане она замыкается сама на себе, оставаясь без читателя – представителя другой специализации. Таким образом, призывы теоретиков права остаются гласом вопиющего в пустыне. Накапливаясь, подобные прецеденты вызывают у специалистов в области политико-правовой теории ощущение бесполезности их нахождения в юриспруденции. Как показывает история, им становится тесно в ее границах, они часто преступают их и погружаются в иные области социогуманитаристики (преимущественно в философию, социологию, политологию, антропологию, психологию и т. п.). Нередки случаи, когда теоретикам права удается внести неоценимый вклад в новые для них области науки. Но в большинстве своем они, оставаясь верными идее права, пытаются инкорпорировать свои правовые воззрения в рамки иных наук и, как правило, терпят неудачу. Этим наукам кажется, что на первый

взгляд чуждая по содержанию материя не может стать их неотъемлемой частью, а соответствующие мыслители не в состоянии стать их выдающимися представителями. Складывается ситуация, когда правовая теория отходит на периферию семьи юридических наук, а в семье иных наук ее не принимают. Но, оставаясь как бы в стороне, она в то же время вбирает в себя все самое ценное из иных областей знания, выступая в качестве независимой платформы – потенциальной для междисциплинарного синтеза.

При всей своей перспективности теоретическое правоведение – чрезмерно отвлеченное знание; как следствие, с ним просто перестают считаться, все чаще и чаще ставя перед фактом принятых решений (как в академической, так и в практической сфере). Происходящее на уровне взаимосвязи юридической теории и практики отражается на качестве профессионального образования: там явствует тенденция сокращения часов и снятия (!) учебных дисциплин, даже неотнесения их к блокам факультативных или элективных, на которые студенты могли бы записываться по своему выбору. Все это происходит в пользу отраслевых юридических наук, которые, увы, не в силах приобщить не только к правовым идеалам – важнейшему «оптическому стеклу» юридического мировоззрения, но и к комплексному осмыслению правовых и тесно связанных с ними феноменов.

Юридическая деятельность, ввиду отхода теоретических знаний и навыков на второй план, начинает носить механический, инструктивный характер. В ней уже не чувствуется та творческая составляющая, которая с древнейших времен сделала науку о праве великой, а самих правоведов – интеллектуальной элитой общества. Чтобы исправить сложившееся положение, требуется поиск теории, которая удовлетворяла бы ежедневные потребности юристов-практиков, играла роль инструмента при выборе оптимального варианта (способа) разрешения сложных (неординарных) правовых казусов, при этом сохранила все высокие идеи и стремилась к их воплощению.

Вышеприведенная программа не относится к не пройденным юридической мыслью путям. Прагматическая философия (теория)

права – один из немногих сценариев, сформированных под давлением идентичной атмосферы и способных как к преодолению сложившегося кризиса, так и к восстановлению авторитета теоретического юридического знания.

ФИЛОСОФИЯ ПРАГМАТИЗМА: ОСНОВНЫЕ НАЧАЛА

В философской литературе прагматизм определяется как «учение, рассматривающее действие, целесообразную деятельность в качестве центрального, определяющего свойства человеческой сущности»¹. Его ядро – прагма – действие (дело)². Прагматическая философия призывает действовать несмотря ни на что; она преподносит себя в качестве спутницы, которая предназначена помочь человеку «двигаться в потоке опыта к каким-то поставленным целям» [1, с. 153]. Не сами цели находятся в фокусе учения, а лишь процесс их достижения. Прагматизм не ориентирован на вечность, напротив, он преследует приземленную задачу – содействовать решению сиюминутных проблем. Причем речь идет об их решении не с точки зрения пользы – utility (эта категория – основа утилитаризма), а с точки зрения полезности – usefulness (именно этот термин использовался в оригиналах произведений «отцов-основателей» прагматизма), действенности и эффективности (эти термины для русскоязычного читателя лучше передают пафос концепции и позволяют не путать ее с утилитаризмом), соотношения изначально поставленной цели с фактически имеющимися шагами в направлении к ней. Имея в виду наличие или отсутствие прогресса в деле достижения поставленной цели, прагматический подход рассматривает всё (в том числе мышление и познание) как формы деятельности, служащие способами движения к представляемому практическому результату.

Начиная с Ч. Пирса, одного из основоположников философии прагматизма, в понятийно-категориальном аппарате учения

1 История философии : энциклопедия. Минск : Интерпрессервис; Книжный Дом, 2002. С. 826.

2 Древнегреческо-русский словарь / сост. И.Х. Дворецкий ; под ред. С.И. Соболевского. М. : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. Т. II. С. 1362.

появляется категория истины. По существу, прагматисты произвели подмену понятий: то, что они подразумевали под истиной, в конечном итоге оказывалось мнением (убеждением) или верованием. «Истина, – писал Пирс, – означает просто способ достижения тех или иных целей» [2, с. 155]. Поэтому в целом для прагматической философии имеет значение не истинность как антипод лжи или заблуждения, а эффективность, действительность той или иной идеи, убежденность в ней. И это неслучайно: любые сомнения, по замыслу авторов учения, негативно влияют на действие, а значит то, что они называли истиной – не более чем то, что способно преодолеть сомнение (или, в словоупотреблении Пирса, положить «конец раздражению, вызванному сомнением» [2, с. 274]). В этом смысле в прагматизме категория истины, как верно утверждают исследователи, оказывается «излишним или избыточным» понятием [3, с. 509].

Подобная интерпретация истины не могла не привлечь внимания правоведов, поскольку юридической науке несвойственно оценивать собственные суждения на предмет их истинности или ложности. Право мыслится в категориях справедливости, действительности, легитимности и многих других, которые оценивают все, кроме истинности. Наконец, право мыслится в категориях действительности и эффективности: оно либо «работает», осуществляя свои функции эффективно, либо нет.

Более того, Ч. Пирс – один из основателей семиотики. Его учение о знаках заняло достойное место в современной системе данной науки. Знак, по мнению философа, нужно понимать в широком и узком смыслах. В широком смысле – это триада, состоящая из знака в узком смысле («репрезентамена»; обозначающего), обозначаемого (объекта) и «интерпретанты» («познания ума»; иными словами, мышления) [2, с. 177, 184 и др.]. «Знак, – утверждал философ, – ...является средством сообщения сознанию чего-то извне. То, что он репрезентирует, называется его объектом; то, что он сообщает, – его значением; а идея, которую он порождает, – его интерпретантой» [2, с. 151]. Все эти суждения, особенно в отношении второго элемента – значений, – имели непосредственное отношение к понятиям.

Пирс ярко отстаивал логическую строгость любого понятия, хотя его личные формулировки нельзя охарактеризовать таким образом. Ему представлялось, что успеха можно достичь только в том случае, когда понятие будет носить полный характер, а именно – охватит все «следствия, имеющие практическое значение, [которые] имеет ... объект ... понятия» [2, с. 278] (прагматическая максима). Тем самым релевантно только такое понятие, которое представляет собой сумму всех его значений (практических следствий).

С одной стороны, ориентация прагматизма на действительность и эффективность (полезность) – главные индикаторы для юридической практики взамен истинности в понимании иных философских доктрин; с другой стороны, прагматическая максима требует анализа совокупности всех имеющих практическое значение знаний об объекте, что, разумеется, актуально для юристов, «все еще ищущих свое определение права» (И. Кант). Очевидно, что эти обстоятельства способствовали тому, чтобы философское учение легло в основу относительно нового подхода к праву, который также был ориентирован на действительность и эффективность и на который так возлагались надежды в отношении его способности к выведению юридической науки из очередной фазы кризиса, – социологического правопонимания.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВОПОНИМАНИЕ КАК ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

В плеяде мыслителей XX в. Р. Паунд занимает особое место: он один из немногих американских правоведов, кто большую часть своей жизни оставался в академическом статусе университетского профессора, хотя в его биографии, как и в биографии любого юриста, безусловно, обнаруживаются факты, свидетельствующие и о богатом практическом опыте. Тем не менее Паунд вошел в историю юриспруденции как главный представитель (с 1916 по 1936 г. – декан) юридического факультета Гарвардского университета. Вдохновленный веяниями формирующейся континентальной социологии права, Паунд, наблюдая кризис в правовой системе своей

страны, заметил анализируемые выше особенности философии прагматизма. Он предпринял попытку создать авторскую версию аналогичных идей на почве прагматизма, придумав для него новое название – «социологическая юриспруденция».

Сразу замечу, что социологическая юриспруденция и социология права – не одно и то же. Вероятно, из-за наличия в названии слова «социологическое» многие исследователи относят Паунда к социологам права, а социологию права и социологическую юриспруденцию либо отождествляют, либо последнюю считают разновидностью первой. С такой оценкой невозможно согласиться. Между этими направлениями есть колоссальные различия, главным образом обусловленные их отношением к естественному праву (это предмет отдельного подробного обсуждения).

В одной из своих первых статей Паунд писал: «Социологическое движение в юриспруденции – это движение за прагматизм как философию права» [4, р. 609]. В переживаемые минуты кризиса прагматизм, с точки зрения ученого, необходим праву. Неслучайно он высказал эту идею в знаменитой работе «Механическая юриспруденция» (1908), в которой выступил с жесткой критикой механического (инструктивного, нетворческого, технического) подхода к юридической деятельности. Чтобы выйти из этого состояния, правоведение должно обратиться к прагматизму, построить «юриспруденцию принципов», которую так успешно смогли возродить немцы с принятием в 1900 г. Германского гражданского уложения (*Bürgerliches Gesetzbuch*).

Прагматическая философия права, по мысли Паунда, – это движение за «приспособление принципов и доктрин к человеческим условиям (*human conditions*), которыми они должны управлять (*to govern*); «за то, чтобы поставить человеческий фактор в центральное место и низвести логику до ее истинного положения инструмента» [4, р. 609–610]. Это учение сосредоточено на человеке и требует того же от социальных феноменов, к которым относятся право и государство. Прагматизм позволяет преодолеть заикленность права на самом себе. Бесконечное множество абстракций, которыми так пестрит юриспруденция, а также

стремление к четким понятиям и определениям вкупе с последующими дедуктивными операциями оттеняют человека и общество. Их законное место занимает логика; право понимается как самоцель, как нечто, что становится не более чем логически замкнутой и ориентированной на себя системой. Возникшая между теорией и практикой конфронтация привела к разрыву «права в книгах» и «права в действии» [5], к формированию параллельно существующих систем, повлекших за собой полную неэффективность в вопросах отправления правосудия. Право буквально стало неспособно справляться со стоящей перед ним целью.

Сложившееся положение дел не устраивало мыслителя. Теоретические соображения о праве не должны быть оторваны от того, что имеет непосредственное отношение к человеку – от юридической практики. В связи с этим Паунд предпринял попытку примирить теорию и практику. Философия прагматизма послужила для этого удачной методологической платформой, на которой американский правовед концептуализировал свои воззрения.

ПРАГМАТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ НЕОБХОДИМОСТИ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Выступая архитектором прагматической философии права, Паунд провозгласил, что новое учение должно формироваться не в духе «витающей в воздухе юриспруденции или систем юридической метафизики, которые почерпнуты из сознания (*the inner consciousness*) немецкого философа» [6, р. 353], а для и во имя юридической практики. Он исходил из того, что жизнь изменчива, в ней периодически возникают новые и модифицируются уже известные общественные отношения. Право обязано отвечать на стоящие перед ним вызовы, а философия права должна оказывать в этом помощь. Жертвуя системностью знания, мыслитель призывал конструировать философию права под влиянием актуальной повестки дня, выводить философско-правовое знание, как и подобает выводить любое теоретическое знание, в представлении философов-прагматистов, из опыта. Собственным примером следования данному правилу Паунд показывал,

как это необходимо делать: нужно спокойно и поступательно разрабатывать знание посредством конкретных реакций на конкретные вызовы своего времени.

Кризис, с которым столкнулась американская юриспруденция в начале XX в., был обусловлен растущим в обществе недовольством системой common law, которая «с самого начала конкурировала, если не конфликтовала, с другими системами и неуклонно завоевывала свои позиции» [6, р. 339]. Однако common law – это не просто форма закрепления тех или иных правоположений; по Паунду, это система устоявшихся в ней (системе) принципов права. Сочетаемые в данной системе три основополагающие доктрины – верховенство права (the supremacy of law), прецедентное право и прецедент (case-law and precedent), а также состязательный судебный процесс (contentious procedure) – придают ей устойчивость и уникальную силу в борьбе за свое право на существование [6, р. 348, 351; 7, р. 1–31]. Даже в штатах, где возникали континентальные элементы в праве (Висконсин, Луизиана, Мичиган, Техас и др.), эти доктрины преобразовывали их правовые системы, фактически подводя к модели common law [8, р. 340].

От многолетнего противостояния англосаксонской (англо-американской) и романо-германской систем ощущалось напряжение и в самом юридическом сообществе США, в котором в том числе были сторонники континентальной системы (Г. Мэн, Ф.У. Мейтленд, Г. Бруннер). По их мнению, рано или поздно континентальная система, с ее страстным отношением к законодательству, одержит над прецедентным правом победу. Уверенный в непоколебимости common law, Паунд отвергал все подобные доводы: эта система несокрушима ровно столько, сколько она функционирует и функционирует эффективно. Действие (pragma) и есть ключевой концепт в учении Паунда. В отличие от О. Эрлиха, у которого право самобытно «живет» («живое право»), у Паунда оно действует – оказывает влияние, разрешает споры, вносит в жизнь порядок – одним словом, служит личности, обществу и государству. Пока common law с этим справляется, оно, несомненно, будет существовать.

Единственное, что на самом деле угрожает системе common law – то, что она «демон-

стрирует слишком большое уважение к индивиду и к тому укоренившемуся положению, в которое поставила ее ... [американская] правовая и политическая история и слишком малое уважение к потребностям общества, когда они вступают в противоречие с индивидуальными интересами» [6, р. 344]. Эта позиция нашла отражение в ранних трудах Паунда. Общество и в первую очередь народ как носитель суверенитета страдают от дефицита внимания к их интересам, в отличие от интересов отдельных частных лиц, положенных на алтарь права. Американский правовед ни в коем случае не оправдывал интересы Уолл-стрит (С.Ф. Кечекьян), о чем активно писали в юридической литературе советского периода [8, с. 727; 9, с. 290; 10, с. 277–278], и уж тем более он не был социоцентристом или, еще хуже, социалистом. Мыслитель высказывал довольно умеренные идеи о том, что нужно искать гармонию между индивидуализмом (имея в виду понимание индивида в новоевропейской традиции) и социализмом. Паунд – очевидный антропоцентрист, призывавший к обсуждению и поиску баланса между исторически сформировавшимися крайностями. Вслед за У. Блэкстоном он заявлял, что «общественное благо ни в чем так существенно не заинтересовано, как в защите частных прав каждого (!) человека» [6, р. 347; 11, р. 109]. Особенно это видно в поздних трудах правоведа: после Второй мировой войны в концепции Паунда центр тяжести скорее был смещен с общества на личность (личность в обществе), но все же с сохранением интенции на поиск баланса. Известный опыт кровавых событий этого времени показал, что право – не просто инструмент, а инструмент, который должен обладать определенным (правовым) качеством, которое отражает и охраняет ценности цивилизованного общества; обобщенно – своим идеальным элементом.

Однако внимание довоенного Паунда, когда он только начинал очерчивать контуры своего учения, было сосредоточено на обществе и его интересах. «В настоящее время, – утверждал Паунд в 1905 г., – актуально не то, что об отдельном человеке, а то, что об обществе. Сегодня впервые common law оказывается направленным против народа (людей; people)» [6, р. 344]. Сложилась ситуация, когда «люди

(men) изменили свои взгляды на относительную важность (relative importance) индивида и общества (society), а common law – нет» [6, р. 346]. Положение человека в Средние века ожидаемо привело его к «бунту» (revolt), вылившемуся в господствовавшее в эпоху Возрождения понимание человека как индивида – изолированного, отдельного человека вне контекста его связей с себе подобными. Этот бунт, «перенесенный за пределы своего времени ... оказывается ложным и опасным» [6, р. 352]. История показывает, что такое понимание индивида – не более чем «абстракция, никогда не существовавшая конкретно», поэтому юристы должны искать основания свободы в обществе [6, р. 346]. Любопытно заметить, что Паунд ссылаясь на фундаментальный труд «Философия права», автор которого, профессор Неаполитанского университета Д. Лиой (Diodato Liou), в начале второго тома в довольно резкой форме высказал следующее: «Изолированный индивид – абстракция; в истории представлены только семьи, племена, расы, народы или государства» [12, р. 3]. При цитировании Паунд опустил вторую часть (как представляется, не соответствующую его взглядам), заменив ее на «никогда не существовавшая конкретно». Это лишний раз подтверждает умеренность взглядов мыслителя: он настаивал на том, чтобы юристы сосредоточились именно на личности, но с учетом контекста ее межличностных (социальных) связей.

Можно лишь предположить, что Паунд высказывал идеи, которые были в это время популярны в Европе в рамках концепции социального государства (Sozialstaat) и которые позже получают известность в Америке, став основой неоллиберальной концепции государства всеобщего благоденствия (welfare state). По сути, выступая своеобразным «мостом» между этими культурами, эпохами и доктринами, Паунд старался переосмыслить понимание личности, словно предвещая грядущие перемены в гуманитаристике и социально-политической жизни и готовя к ним англоязычную юридическую общественность. Вся риторика о том, что «право должно стоять на стороне народа» [6, р. 350] – очевидный протест против отдельных частных лиц и принадлежащих им корпораций: «В наши дни, –

отмечал правовед, – common law не приносит никакой пользы, стоя во всеоружии перед индивидами, будь то естественными или искусственными, которые нуждаются не в защите, а в выходе из-под эгиды common law, чтобы нанести вред обществу» [6, р. 349–350].

Исходя из подобных философских рассуждений, Паунд вывел абсолютно юридическое (по содержанию – теоретико-историческое) обоснование, почему необходимо защищать интересы общества и, соответственно, личности как его члена. Раньше на короля, как на *patens patriae* («отца нации»), были возложены обязанности по защите общественных интересов (public interests). Король обладал чем-то «очень похожим на современные полицейские полномочия (modern police power)» [6, р. 349], ограниченные со всех сторон нормами common law и *lex terrae*. Но времена изменились: место короля как носителя суверенитета занял народ. Но если суверенитет перешел от короля к народу, то эти полномочия по защите общественных интересов тоже перешли к нему, а значит и перешедшая власть «наделила ... [народ] полицейскими полномочиями» [6, р. 350]. Правда, эта власть четко не определена, «а система common law ревниво относится ко всякой неограниченной власти» [6, р. 351]. Паунд, как истинный философ права, поразительно точно обозначил проблему и озадачил интеллектуалов-современников на ее решение.

Рассмотренные идеи не носят чисто мировоззренческого характера. Все эти умозрительные дилеммы находят отражение в конкретных правотворческих и правоприменительных актах, начиная с базовых вопросов регламентации свободы договора и заканчивая проблемами в сфере охранительных правоотношений.

Как возможно искоренить такое преувеличенное отношение к отдельным лицам, их правам и интересам, так угрожающим обществу и common law? Ответ ученый нашел в системе юридического образования: это можно сделать только посредством «обучения подрастающего поколения юристов социальной, политической и правовой философии, соответствующей требованиям нашего времени» [6, р. 352].

Дело в том, что философия права формирует «искусственный разум» (Э. Кок), способ-

ный к юридическому мышлению, развивает правовое сознание обывателя до уровня юриста как представителя профессиональной корпорации. Система юридического образования, в которой доминирует подход обучения «жесткому праву» (Ф.У. Мейтленд), не может позволить «наиболее образованным представителям юридического сообщества (bar) оставаться детьми своего времени» и идти в ногу с ним [6, р. 353]. Господствовавшее на тот момент юридическое мышление стало механизированным, а тот самый «искусственный разум» – не чем иным, как пагубным и погубляющим все вокруг алгоритмом.

Философия права развивает гибкость мысли, позволяет перебороть привычки юридического мышления. Для Паунда, понимавшего философию близко к позитивистской (философско-позитивистской, а не юрико-позитивистской) интерпретации, философия права – это такое предельно обобщенное знание, которое выступает инструментом правильного понимания политико-правовых явлений и своевременного выявления, предотвращения и профилактики различного рода угроз адекватности права и его связей с личностью, обществом и государством.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье с далеко не обнадеживающим юристов-теоретиков названием «Нужна ли нам философия права?» («Do We Need a Philosophy of Law?», 1905), основные идеи которой освещались выше, Паунд обсуждал мировоззренческие вопросы, обнаруженные им под оболочкой реальной юридической практики. Первоначально, при чтении этой работы глазами континентального правоведа, изучавшего в рамках философии права образцы классической мысли и имевшего типичное представление о философии права как об отвлеченном от практики знании, складывается неверное впечатление о ненужности философии права как науки и учебной дисциплины. Такое впечатление, обусловленное непривычным подходом к обоснованию необходимости философско-правового знания, остается вплоть до последнего предложения, в котором Паунд, удивляясь сопро-

тивляющимся философии права юристам, задался вопросом: «Не должна ли философия права, основанная на глубоком знании элементов современной социальной и политической науки, стать частью – и необходимой частью – вооружения (equipment) квалифицированного юриста?» [6, р. 353].

Конечно, философия права (особенно в прагматическом русле, предложенном Паундом) необходима юристам. Сегодня политико-правовая мысль находится в глубоком кризисе. Нет в современной России Н.М. Коркунова и Г.Ф. Шершеневича, С.А. Муромцева и Л.И. Петражицкого, равно как и многих других видных представителей юридической науки. Опыт Р. Паунда, возможно, окажется полезным не только в рамках англо-американской, но и континентальной системы: правовые акты России содержат под своей оболочкой ничуть не меньше глубоких философско-правовых начал, которые еще только предстоит обнаружить и исследовать. Вопреки рыхлости, разрозненности и бессистемности прагматического подхода к праву, его ядро, несомненно, – философско-правовое, обращенное на юридическое мировоззрение и мышление, напоминающее важность фундаментальной части права и науки о праве.

Может, именно прагматическая философия права сумеет вернуть теоретической юриспруденции ее былую славу, возродит ее авторитет как науки о жизни человека в отношениях с себе подобными, о чем можно узнать, только если дать ей шанс снова проявить себя, но теперь уже в новых (актуализированных) условиях. Во всяком случае, она точно сможет привлечь внимание к умозрительным началам политико-правового бытия и его предельных оснований. В переживаемые минуты кризиса этого уже будет достаточно. Пока не усугубилась ситуация, нужно вернуть дисциплинам теоретико-правового цикла их достойное место в системе юридического образования. Разве возможно как-нибудь по-иному, без должного уважения к теоретическому правоведению, вырастить юристов, способных защищать беспомощных людей и отстаивать идеи гуманизма под натиском вызовов нашего времени, когда на кону вся человечность и все человечество?

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеев П.В. Философия : учебник / П.В. Алексеев, А.П. Алексеев, А.В. Панин. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2023. – 592 с.
2. Пирс Ч.С. Избранные философские произведения : пер. с англ. / Ч.С. Пирс ; пер. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. – Москва : Логос, 2000. – 448 с.
3. История философии : учебник для вузов / под ред. В.В. Васильева, А.А. Кротова и Д.В. Бугая. – Москва : Академический Проект, 2005. – 680 с.
4. Pound R. Mechanical Jurisprudence / R. Pound // *Columbia Law Review*. – 1908. – Vol 8, № 8. – P. 605–623.
5. Pound R. Law in Books and Law in Action / R. Pound // *American Law Review*. – 1910. – Vol. XLIV. – P. 12–36.
6. Pound R. Do We Need a Philosophy of Law? / R. Pound // *Columbia Law Review*. – 1905. – Vol. V, № 5. – P. 339–353.
7. Pound R. Spirit of the Common Law / R. Pound. – Boston : Marshall Jones Company, 1921. – 224 p.
8. История политических учений / под ред. проф. С.Ф. Кекекьяна и доц. Г.И. Федькина. – Москва : Юрид. лит., 1955. – 770 с.
9. Туманов В.А. Буржуазная правовая идеология: к критике учений о праве / В.А. Туманов. – Москва : Наука, 1971. – 381 с.
10. История политических учений / под ред. проф. К.А. Мокичева. – Москва : Высшая школа, 1972. – Ч. II. – 375 с.
11. Blackstone W. Commentaries on the Laws of England / adapted to the present state of the law by Robert Malcolm Kerr. Vol. I. Of the Rights of Persons / W. Blackstone. – 4th ed. – London : John Murray, Albemarle Street, 1876. – 496 p.
12. Liou D. Philosophy of Right : in 2 vol. / D. Liou ; with special reference to the principles and development of law ; translated from the Italian by W. Hastie. – London : Kegan Paul, Trench, Trübner, & Co., LTD, 1891. – Vol. II. – 392 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Меликовский Александр Ариевич – преподаватель кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА); аспирант кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Melikovsky Aleksandr Arievich – Lecturer of the Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University; Postgraduate Student of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Law Faculty, Lomonosov Moscow State University.

Статья поступила в редакцию 10.06.2024; одобрена после рецензирования 15.07.2024; принята к публикации 15.07.2024. The article was submitted 10.06.2024; approved after reviewing 15.07.2024; accepted for publication 15.07.2024.

REFERENCES

1. Alekseev P.V., Alekseev A.P., Panin A.V. Philosophy. 4th ed. Moscow, Prospekt Publ., 2023. 592 p.
2. Pierce C.S. Selected Philosophical Works. Moscow, Logos Publ., 2000. 448 p.
3. Vasiliev V.V., Krotov A.A., Bugay D.V. (eds.). History of Philosophy. Moscow, Akademicheskij Proekt Publ., 2005. 680 p.
4. Pound R. Mechanical Jurisprudence. *Columbia Law Review*, 1908, vol 8, no. 8, pp. 605–623.
5. Pound R. Law in Books and Law in Action. *American Law Review*, 1910, vol. XLIV, pp. 12–36.
6. Pound R. Do We Need a Philosophy of Law? *Columbia Law Review*, 1905, vol. V, no. 5, pp. 339–353.
7. Pound R. Spirit of the Common Law. Boston, Marshall Jones Company Publ., 1921. 224 p.
8. Keчек'yan S.F., Fed'kin G.I. (eds.). History of Political Doctrines. Moscow, Yuridicheskaya literature Publ., 1955. 770 p.
9. Tumanov V.A. Bourgeois Legal Ideology: Towards a Critique of Legal Doctrines. Moscow, Nauka Publ., 1971. 381 p.
10. Mokichev K.A. (ed.). History of Political Doctrines. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1972. Pt. II. 375 p.
11. Blackstone W. Commentaries on the Laws of England. Vol. I. Of the Rights of Persons. 4th ed. London, John Murray, Albemarle Street Publ., 1876. 496 p.
12. Liou D. Philosophy of Right with Special Reference to the Principles and Development of Law with Special Reference to the Principles and Development of Law. London, Kegan Paul, Trench, Trübner, & Co., LTD Publ., 1891. Vol. II. 392 p.